

ԱԿԱԴԵՄԻԿՈՍ ԱԲԳԱՐ ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ  
(Ծննդյան 100-ամյակի առթիվ)

*Ինքնատիպ անհատականություն է եղել, առանձնահատուկ կշիռ ու հեղինակություն է ունեցել Աբգար Ռուբենի Հովհաննիսյանը պատմագիտության մեջ: Նա խոշոր ու ճանաչված էր հավասարապես ինչպես համաշխարհային, այնպես էլ հայոց պատմության բնագավառում՝ նման լայն ընդգրկումով իր նախորդը չունենալով: Երկու ասպարեզում էլ լուրջ ներդրում է կատարել, սովել մնայուն գործեր:*



*Ա. Ռ. Հովհաննիսյանի արտակարգ ունակությունները դրսևորվեցին տակավին պատանեկության տարիներին: Քսան տարեկան հասակում փայլուն առաջադիմությամբ ավարտեց Երևանի պետական համալսարանի պատմագրական ֆակուլտետը: Ասպիրանտուրայում աշակերտելով համաշխարհային պատմության անվանի գիտնական ակադեմիկոս Վ. Պ. Վոլգինին՝ Լենինգրադում պաշտպանեց (1935 թ.) թեկնածուական ատենախոսությունը՝ «Ռետիֆ դե լա Բրետոնը» թեմայով, իսկ երեսուն տարեկան հասակում (1938 թ.) Մոսկվայում՝ «Ֆուրյեի հասարակական իդեալների գենեզիսը» թեմայով դոկտորական ատենախոսությունը: 1931*

*թվականից դասախոսել է Երևանի պետական համալսարանում, հիմնել և գլխավորել ընդհանուր պատմության ամբիոնը, իսկ 1938 թվականից վարել գիտական գծով պրոռեկտորի պաշտոնը:*

*Ա. Հովհաննիսյանը կարողացավ մշտապես զուգակցել գիտական աշխատանքը գիտակազմակերպական գործունեության հետ: Հայաստանի գիտությունների ազգային ակադեմիայի հիմնադրումից մի քանի տարի հետո որպես տնօրեն գլխավորեց Ակադեմիայի պատմության ինստիտուտի աշխատանքները (1947–1953), վարեց ՀԳԱԱ հասարակական գիտությունն էրի բաժանմունքի ակադեմիկոս քարտուղարի (1949–1960) և շուրջ քառորդ դար՝ փոխպրեզիդենտի պաշտոնները: 1947 թ. ընտրվեց Ակադեմիայի իսկական անդամ:*

Նրա գիտական առաջին աշխատությունը նվիրված էր ֆրանսիական սոցիալ ուստոպիստ Ռետիֆ դե լա Բրետոնի գաղափարախոսությանը: Այն լույս տեսավ Երևանում և ապա նոր նյութերով հարստացված ու լրամշակված՝ Մոսկվայում՝ «Ռետիֆ դե լա Բրետոնը և նրա ուսմունքը» խորագրով: Այդ նույն ժամանակ՝ 30-ական թվականներին, Մոսկվայում համաշխարհային պատմության ինստիտուտը հրատարակեց «Ֆուրյեի հասարակական իդեալների գենեզիսը» աշխատությունը: Տարիներ անց թարմ նյութերով հարստացվեց և ծավալուն նոր ուսումնասիրությամբ ընդհանրացվեց այդ թեման՝ մեծապես ընդլայնելով ու խորացնելով մեր պատկերացումները խոշոր այդ մտածողի մասին: Պատմագիտական գրականության մեջ հանդիպող պարզունակ մոտեցումներին նա հակադրեց պատմականության սկզբունքը: Գիտական հիմնավորված տեսակետ առաջադրեց հասարակական մտքի զարգացման ասպարեզում Ֆուրյեի տեղի ու դերի, կոմունիզմի գաղափարախոսությանը նախորդող ուստոպիական սոցիալիզմի մասին:

Օրինակելի ու տաղանդավոր էին նաև փաստերով հագեցած, տրամաբանական կոռ հենքի վրա կառուցած համաշխարհային պատմության նրա դասախոսությունները: Դրանք հմայում էին ոչ միայն մեզ՝ ուսանողներին: Պատկերացում կազմելու համար նշենք, որ նրա դասախոսություններին, հատկապես նվիրված Նապոլեոնին ու նրա ժամանակի իրադարձություններին, թույլտվություն էին խնդրում ու ներկա լինում արդեն այդ դասընթացն անցած բարձր կուրսերի ուսանողներ, անգամ մտավորականության ներկայացուցիչներ:

1940-ական թվականներին ճանաչված մասնագետի անուն վաստակած Ա. Ռ. Հովհաննիսյանը համաշխարհային պատմությանը զուգահեռ անցնում է հայագիտության ոլորտը: Ուսումնասիրության նոր ուղղություն է ընտրում, բայց անփոփոխ է թողնում XVIII դարի վերջերի և XIX դարի առաջին կեսի իր ընտրած ժամանակաշրջանը:

Նա երեք մենագրություններում հիմնավոր քննարկում է Ռուսաստանի արևելյան քաղաքականության և Անդրկովկասը կայսրությանը միացնելու միջազգային հարաբերությունները: Անդրադառնում է մասնավորապես Անդրկովկասի ժողովուրդների պատմության հիմնահարցերին, Ռուսաստանի վարած քաղաքականությանը, հայ հասարակական մտքի պատմությանը և քիչ հետազոտված բազմաթիվ այլ խնդիրների:

Ա. Ռ. Հովհաննիսյանի այս շարքի առաջին ուսումնասիրությունը «Հովսեփ Էմին» (1945) մենագրությունն է: Աշխատությունը նվիրված է XVIII դարի երկրորդ կեսի հայ ազատագրական շարժման նշանավոր գործիչներից մեկին: Շնորհիվ այդ ուսումնասիրության, գիտական հասարակայնությանը, և ոչ միայն նրան, հայտնի դարձավ հետաքրքիր իրադարձությունն երով հարուստ Հովսեփ Էմինի կյանքն ու գործունեությունը: Դրա հետ առնչված՝ հեղինակը լայն հետնախորքի վրա խոր ու սպառիչ վերլուծության է ենթարկում Հնդկաստանի, Անգլիայի, Ռուսաստանի, Վրաստանի, Հայաստանի քաղաքական կացությունը, երկրներ, ուր ընթացել է Էմինի գործունեությունը: Հեղինակը լավագույն օրինակ է ցույց տալիս իրեն զբաղեցնող ժամանակաշրջանի երկրների սոցիալ-տնտեսական և քա-

դաքական կյանքի երևույթների խոր ու հիմնավոր իմացությամբ: Հետագայում նոր նյութերով լրացրեց և ավելի լայն հիմքի վրա ներկայացրեց (1989) Հովսեփ Էմինի գործունեությունը:

Ա. Ռ. Հովհաննիսյանի՝ հայ ժողովրդի համար կենսական դարձած ազատագրական շարժմանը նվիրված մյուս հետազոտությունը «Ռուսաստանը և հայ ազատագրական շարժումները XVIII դարի 80-ական թվականներին» (Երևան, 1947) մենագրությունն է: Նրանում վեր է հանվում հույժ կարևոր, սակայն լիարժեք լուսաբանում չգտած այնպիսի հիմնահարցեր, ինչպիսիք են Ռուսաստանի արևելյան քաղաքականությունը XVIII դարի վերջերին, հայկական պետականության վերականգնման և դրա հետ կապված տարբեր պետությունների և հասարակական տարբեր շերտերի վերաբերմունքը: Փաստական հարուստ նյութի և երկրամասում ստեղծված իրավիճակի վերլուծման հիման վրա բացահայտվում է հայ ժողովրդի տնտեսական և իրավական ծանր դրությունը թուրք-պարսկական տիրապետության ներքո, Ռուսաստանի և ապա Թուրքիայի ու Պարսկաստանի վարած քաղաքականությունը Անդրկովկասում և տարբեր այլ հարցեր:

Աշխատությունում մեծ տեղ է հատկացված Ռուսաստանի և Հնդկաստանի հայկական համայնքներում Հայաստանի ազատագրման աշխույժ շարժմանը, այդ շարժման գաղափարական ուղղվածությանը: Քննարկելով Հայաստանում և հայկական գաղութներում ստեղծված իրավիճակը՝ հեղինակը գալիս է այն իրական եզրակացության, որ ուսումնասիրվող շրջանում հայ ժողովրդի մեջ չկար հասարակական որևէ շերտ, որը ռուսական կողմնորոշում չունենար, Հայաստանի ազատագրումը չկապեր Ռուսաստանի հետ: Դրա հետ մեկտեղ, հեղինակը ցույց է տալիս ապագա Հայաստանի պետական կառուցվածքի հարցում հնդկահայ և ռուսահայ շրջանների տարբեր մոտեցումները: Նույն հիմնահարցին էին նվիրված նաև հեղինակի՝ գիտական պարբերականներում հրատարակած «Ռուսական դիվանագիտությունը և հայկական հարցը 18-րդ դարի 80-ական թվականներին», «Հայկական ազատագրական շարժումները 18-րդ դարի 60-ական թվականներին», «Որոգայթ փառացի» առաջացման պատմությունը» և այլ աշխատանքներ:

Ա. Ռ. Հովհաննիսյանի սույն մենագրությունը հրապարակ գալուց հետո անցած 50–60 տարիների ընթացքում այդ նույն ժամանակաշրջանի հայ- ռուսական հարաբերությունների, ազատագրական շարժումների մասին բազմաքանակ ու բազմաբնույթ աշխատություններ, այդ թվում և փաստաթղթերի ժողովածուներ հրատարակվեցին: Սակայն Հովհաննիսյանի՝ պատմագիտության համար ուղեցույց դարձած տեսակետներն ու առաջադրած դրույթները մնացին անփոփոխ: Այդ էր պատճառը, որ աշխատությունը կես դար հետո վերահրատարակեց (1990) առանց որևէ փոփոխության:

Հայագիտության բնագավառի երրորդ աշխատությունը նվիրված է Անդրկովկասը, այդ թվում և Արևելյան Հայաստանը Ռուսաստանին միացնելու հիմնախնդրին: Առանձին հոդվածներով՝ «Ֆրանսիական դեսպանությունը Իրանում

1796 թ.» (1956), «Անգլիայի և Ֆրանսիայի պայքարն ընդդեմ Հայաստանը Ռուսաստանին միացնելու» (1957), «Ֆրանս-ռուսական հարաբերությունների պատմությունից Արևելքում 1807–1808 թթ.» (1957), նախապատրաստեց այս նոր գրքի երևան գալը: Պատմական լայն հետնախորքի վրա միջազգային հարաբերությունների համատեքստում ներկայացրեց արդեն XIX դարի առաջին տասնամյակների հայ-ռուսական առնչությունները «Անդրկովկասի միացումը Ռուսաստանին և միջազգային հարաբերությունները 19-րդ դարի սկզբներին» (Երևան, 1958) մենագրությունում:

Տարալեզու փաստական նյութը շրջանառության մեջ դնելով՝ հեղինակը հիմնավոր ու համակողմանի ներկայացնում է Անդրկովկասը Ռուսաստանին միացնելու ժամանակաշրջանի միջազգային դրությունը, անգլո-ֆրանս-ռուսական բարդ հարաբերությունները: Յույց է տալիս Անդրկովկասը Ռուսաստանին միացնելու քաղաքականության դեմ Անգլիայի ու Ֆրանսիայի ծավալած պայքարը:

Ինչպես նշեցինք, Ա. Ռ. Հովհաննիսյանը, հայագիտության ոլորտն անցնելով, չէր ընդհատել, ընդհակառակը, հետևողականորեն շարունակում էր զբաղվել նաև արևմտաեվրոպական հասարակական մտքի պատմությամբ: 1966 թ. կրկին ԽՍՀՄ ԳԱ «Hayka» հրատարակչությունը հրապարակ է հանում նրա ծանրակշիռ հետազոտությունը՝ «Կոմունիստական գաղափարները Ֆրանսիական մեծ հեղափոխության տարիներին»: Սույն մենագրությունն արժանանում է Խորհրդային Միության և արտասահմանի մասնագետների ամենաբարձր գնահատականին: Այդ աշխատությունը արժանացավ ԽՍՀՄ ԳԱ Վոլգինի անվան բարձր մրցանակի: «Սովետական Հայաստան» թերթում տպագրված հաղորդագրության մեջ ասվում էր. «Սովետական գիտության ոսկե ֆոնդը մտավ ևս մեկ խոշոր ուսումնասիրություն»<sup>1</sup>:

Ռուս նշանավոր գիտնականներ Բ. Պորշնը և Գ. Կուչերենկոն իրենց գրախոսականում աշխատությունը գնահատում են հետևյալ կերպ. «Ա. Ռ. Հովհաննիսյանը այս պրոբլեմն ուսումնասիրում է արդեն 35 տարի: Նա նյութեր է քաղել Ֆրանսիայի ազգային արխիվից, ազգային գրադարանի, ոստիկանական պրեֆեկտուրայի, Մենայի և Ուազի դեպարտամենտի արխիվներից... Անվերապահ դրվատանքի է արժանի նրա հարցադրումների գիտական հիմնավորվածությունը, մասնագիտական անբասիրությունը, մանրակրկիտ մշակումը: Առաջ քաշված յուրաքանչյուր դրույթը ապացուցված է փաստական հիմնալի նյութով, որի նշանակալի մասն առաջին անգամ է շրջանառության մեջ դրվում համաշխարհային գիտության մեջ»<sup>2</sup>: Մեկ այլ նշանավոր մասնագետ Վ. Մարկովը այդ նույն ամսագրում տպագրած գրախոսականում աշխատությունը համարում է «անգնահատելի ուսումնասիրություն», «ապշեցուցիչ նվաճում» և եզրակացնում, որ այդ մենագրությունը «այսուհետև անհրաժեշտ ուղեցույց կդառնա բոլոր նրանց

<sup>1</sup> «Սովետական Հայաստան», 8. IX. 1974:

<sup>2</sup> «Новая и новейшая история», 1967, № 5.

համար, ուլքեր կցանկանան լրջորեն զբաղվել ֆրանսիական հեղափոխության պատմությամբ կամ գիտական կոմունիզմի նախապատմությամբ»<sup>3</sup>

Համաշխարհային պատմության անգուգական մասնագետը չբավարարվեց միայն Ֆրանսիական մեծ հեղափոխության տարիների գաղափարական հարցերի շրջանակներով: Ժամանակագրական առումով իր հետազոտությունների ու լորտի մեջ առավ հետագա պատմափուլը՝ XIX դարի առաջին կեսը՝ չորջանցելով նաև ֆրանսիական 1848 թ. հեղափոխությունը:

Այդ շրջանի հիմնական թեմաների առանձին հարցերը ևս մշակեց հոդվածների ձևով և ապա ընդհանրացրեց մենագրության մեջ: Գիտական ամսագրերում 1961 թ. հրատարակում է «Ֆրանսիական ուտոպիական սոցիալիզմի պատմությունից 19-րդ դարի սկզբին» հոդվածը: Դրան հետևում են «Ֆրանսիական ուտոպիական կոմունիզմի պատմությունից 19-րդ դարի 20–30-ական թվականներին» (1977), ապա «Շյուլ Գեյր և ֆրանսիական ուտոպիական կոմունիզմի զարգացման ուղիները 19-րդ դարի 30–40-ական թվականներին» (1980) աշխատանքները: Վերջին հոդվածում հիմնավոր բացահայտվում է ֆրանսիական ուտոպիական սոցիալիզմի գրեթե անհայտ գործչի՝ Շյուլ Գեյի կյանքն ու գաղափարական դիրքորոշումը: Հեղինակը ցույց է տալիս Շյուլ Գեյի մեծ ավանդը Օուենի և Ֆուրյեի ուսմունքների լավագույն գծերի միավորման ուղղությամբ:

XIX դարի առաջին կեսի հիմնահարցերի մշակումներն ընդհանրացվեցին արխիվային նյութերի և բազմալեզու գրականության հիման վրա շարադրված երկու մենագրություններում՝ «Հեղափոխական կոմունիստական շարժումը Ֆրանսիայում 1842–1847 թվերին» (1986) և «1848 թ. հեղափոխությունը Ֆրանսիայում և կոմունիզմը» (1989): Դրանցում քննարկվում են Ֆրանսիական մեծ հեղափոխությանը հաջորդող պատմափուլում կատարված գաղափարական էվոլյուցիայի, հասարակական մտքի զարգացման բազմաբնույթ հիմնահարցեր:

Բազմալեզու սկզբնաղբյուրներից և գրականությունից մասնագիտական հմտությամբ օգտվելը, պատմագիտական լայն ու հիմնավոր պատրաստությունը, վերլուծելու և ընդհանրացնելու հզոր կարողությունը, կուռ տրամաբանությունը Ա. Ռ. Հովհաննիսյանին հնարավորություն են ընձեռել և՛ հայագիտության, և՛ ընդհանուր պատմության ասպարեզներում ստեղծելու մեծարժեք գործեր: Դրանք արժանացել են ինչպես Խորհրդային Միության, այնպես էլ արտասահմանի մասնագետների անվերապահ դրվատանքին: Իզուր չէ, որ նրան է բազմիցս վերապահվել միջազգային կարևոր գիտաժողովներում խորհրդային պատմական գիտությունը ներկայացնելու պատիվը:

Մասնագիտական բարձր որակը, պահանջկոտությունը իր և շրջապատի նկատմամբ, անհաշտ վերաբերմունքն ամեն տեսակ սիրողական (դիլետանտական) աշխատանքների հանդեպ հատուկ ու բնորոշ էին Ա. Ռ. Հովհաննիսյանի անհատականությանը: Ահա թե ինչու անհամապատասխանություն չկար, ընդհակառակը, շատ համահունչ էին նրա ինչպես գիտական, այնպես էլ գիտակա-

<sup>3</sup> Նույն տեղում:

մակերպական գործունեությունը: ՀՀ ԳԱԱ պատմության ինստիտուտի տնօրենի պաշտոնավարության տարիներին նախաձեռնեց և իրականացրեց մեր պատմագրության մեջ առաջին անգամ հայ ժողովրդի ամբողջական պատմության ստեղծման գործը (դպրոցական դասագրքի տարբերակով), ինքն էլ ստանձնեց հաստոններից մեկի խմբագրումը: Նա ԽՍՀՄ ԳԱ նախաձեռնած համաշխարհային պատմության բազմահատորյակի 6-րդ հատորի խմբագիրներից էր: ՀՀ ԳԱ պատմության ինստիտուտի տնօրենի պաշտոնում եղած ժամանակ բավականաչափ համարձակ քայլեր կատարեց ինստիտուտը ունակ մասնագետներով համայրելու գործում: Բնաստիտուտում աշխատանքի ընդունվեցին հայագիտության նշանավոր նվիրյալներ Լ. Խաչիկյանը, Հ. Անասյանը, Վ. Հակոբյանը, որոնք փաստորեն այլախոհ էին համարվում դաշնակցական կուսակցության անդամի զավակ լինելու կամ պատերազմի ժամանակ ռազմագերի դառնալու և այլ պատճառներով:

Ա. Ռ. Հովհաննիսյանը ավելի քան 30 տարի, որպես հասարակական գիտությունների բաժանմունքի ղեկավար և փոխպրեզիդենտ, գլխավորում էր ԳԱԱ հրատարակչության բնագավառը: Խորհրդային կարգերի գրահրատարակչության դժվարին պայմաններում նրա վարած բանիմաց ու հմուտ քաղաքականության շնորհիվ հայագիտությունը շատ չտուժեց, ավելին՝ որոշակի առաջադիմություն ապրեց: Հիմք դրվեցին և հաջորդաբար սկսեցին հրատարակվել գիտական լուրջ արդյունքներ պարունակող «Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին», «Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրները և ժողովուրդները», «Հնագիտական պեղումները Հայաստանում», «Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն», «Դիվան հայ վիմագրության», «Հայ ժողովրդական հեքիաթներ» և ուրիշ մատենաշարեր: Հրատարակվեցին միջնադարյան մատենագիրների բազմաթիվ երկեր, ձեռագրերի հիշատակարաններ. հայոց լեզվին, գրականությանը, արվեստին վերաբերող բազմաթիվ հետազոտություններ, նյութերի ու փաստաթղթերի ժողովածուներ:

Տաղանդավոր գիտնական Աբգար Ռուբենի Հովհաննիսյանը մնայուն հետք թողեց Հայ և ընդհանուր պատմագիտության մեջ:

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ԲԱՐԽՈՒԴԱՐՅԱՆ

Կից տպագրվում են ակադ. Աբգար Հովհաննիսյանի երկու անտիպ հոդվածները, որոնք պահպանվում են Հայաստանի ազգային արխիվում և հրատարակվում են պատմական գիտությունների թեկնածու Վարուժան Պողոսյանի կողմից:

## К ИСТОРИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ВОСТОК\*

Для европейских мыслителей XVIII столетия Восток являлся воплощением политической и культурной отсталости, господства невежества, религиозного изуверства, тирании и деспотизма. Это представление было особенно ярко изложено и обосновано в произведениях Монтескье, Вольтера и других просветителей XVIII в. Политический строй, существовавший в странах Востока – восточный деспотизм, противопоставлялся ими не только конституционно-парламентским порядкам в Англии, но и европейскому абсолютизму, поскольку последний, при всей самодержавной власти государей, все же допускал известную законность, существование определенных правовых норм, а также наличие различного рода представительных учреждений, хотя бы сословных.

Действительно, в силу замедленных темпов социально-экономического развития, восточные страны и, прежде всего, страны Ближнего и Среднего Востока, и экономически и политически значительно отставали в то время от Европы. Примитивные формы земледелия и средневековое ремесло, отсутствие единого национального рынка, отсталые феодальные отношения не только в деревне, но и в городе, отсутствие сколь либо оформившегося класса городской буржуазии, сложившегося в Европе еще в средние века – все это обуславливало господство в восточных странах феодально-деспотических порядков. Начавшееся в XVII–XVIII вв. экономическое и политическое проникновение на Восток европейцев лишь содействовало дальнейшему упадку этих стран. Колониальная политика европейских держав, еще более подрывавшая хозяйство восточных государств, усиливала их социально-экономическую отсталость и закрепляла господствовавшие в них феодальные порядки и деспотический строй.

В этих условиях, в странах Востока не было предпосылок для осуществления политических реформ, а тем более для введения конституционного строя, для создания и развития парламентских учреждений. В своих воспоминаниях, английский посол в Иране Гарфорд Джонс рассказывает, как еще в 1810 г. Фехт-Али шах, расспрашивая его об английском политическом строе и всячески высмеивая этот строй, упоминал о созыве “парламента в Те-

---

\* Статья не датирована. Машинописная копия хранится в Национальном архиве Армении: ф. 1169 (А. Р. Иоаннисяна), оп. 1, д. 55, лл. 1-19. Сноски автора, несмотря на наличие нумерации (в общей сложности 14), тем не менее, не сохранились.

геране”, как о совершенно невероятном, фантастическом событии, о котором можно говорить лишь в порядке шутки.

Было бы, однако, неправильно полагать, что идеи конституционного строя и представительных учреждений проникают на Восток лишь со второй половины, в лучшем случае с середины XIX в. Резкую критику деспотизма и самодержавия, активную пропаганду идей парламентаризма и даже первый конкретный и детальный проект конституционно-парламентского строя мы встречаем там еще во второй половине XVIII столетия. Конституционно-парламентские порядки пропагандируются впервые на Востоке группой передовых армянских буржуазных деятелей. Объяснялось это тем специфическим положением, в котором находился в ту историческую эпоху армянский народ – положение, которое и обусловило возможность возникновения в его среде, еще в 70–80-х годах XVIII столетия, планов буржуазно-демократических реформ и установление конституционно-парламентского строя.

В XVIII столетии Армения находилась под владычеством двух отсталых восточных держав – Оттоманской империи и Ирана. Армяне, как и другие подвластные народы, были лишены не только каких-либо гражданских прав, но и элементарных гарантий личной и имущественной безопасности. Армянский “райя” подвергался самой беспощадной и ничем не ограниченной эксплуатации. В XVIII в. положение армянского народа было еще более тяжелым, чем в предыдущие века. Упадок Оттоманской империи привел к усилению произвола пашей и курдских феодалов, от которого страдало подвластное армянское население. Распад Иранского государства (после афганского нашествия и вторично после смерти Надира) и последовавшие затем феодальные смуты и междоусобные войны принесли неисчислимые бедствия населению Восточной Армении.

В этих условиях усилилась эмиграция с территории Турции и особенно Ирана. Это привело к росту старых и созданию новых армянских колоний в различных странах Европы и Азии. Армянские колонии имелись во Франции, Италии и других западноевропейских государствах. Многочисленное армянское население проживало на территории России, где армяне пользовались льготами и привилегиями. Кроме армянских колоний в Петербурге, Москве, Астрахане, имелись многолюдные армянские поселения на Северном Кавказе. В 1779 г. у устья Дона был основан заселенный армянами город – Новая Нахичевань, получивший особое самоуправление.

Другим центром армянских колоний являлась Индия. Армяне, выходцы из Ирана, проживали в Калькутте, Мадрасе и прочих индийских городах.

В армянских колониях росла и усиливалась армянская буржуазия. Армянские негоцианты играли видную роль в русской восточной торговле. Многие армянские богачи, обосновавшиеся в России, основывали мануфактуры и заводы, превращаясь в крупных предпринимателей. Одновременно усиливалась армянская буржуазия и в Индии, издавна связанная с Ост-Индской компанией.

Армянские колонии становятся крупными культурными центрами. Армяне проживавшие в России, Западной Европе, а также в Индии, быстро приобщаются к европейской культуре, изучают иностранные языки, знакомятся с европейской наукой, литературой, искусством. Появляется уже и армянская интеллигенция, получившая образование в учебных заведениях России и западноевропейских стран.

XVIII век, особенно его вторая половина, период значительного оживления культурной жизни армянского народа. Быстро развивается армянское книгопечатание, основы которого были заложены еще в XVI столетии. Если в предыдущий период печатались в основном книги религиозного характера, то теперь издавались уже и книги светского содержания, в том числе различного рода учебники и научные исследования. Печатались труды по математике, естествознанию, географии, медицине, как переводные, так и оригинальные. Большую культурную работу проводила, в частности, обосновавшаяся в Венеции Конгрегация мхитаристов, среди которых имелись крупные ученые. Мхитаристы публиковали тексты древнеармянских историков, переводы с европейских языков, филологические и исторические труды. Ими был опубликован толковый словарь и грамматика армянского языка. В 1784–1786 гг. в Венеции вышел в свет трехтомный капитальный труд Чамчяна «История Армении». Чамчян использовал все доступные ему источники – работы греческих, римских и армянских историков, памятные записи рукописей, архивные материалы. Произведение Чамчяна было первым серьезным обобщающим трудом по истории Армении, стоявшем на уровне современной ему европейской исторической науки.

Общий культурный подъем, распространение образования и научных знаний, ознакомление с европейской культурой не могли не содействовать проникновению в армянское общество передовых идей европейского просветительства. Разумеется, идеи эти проникали лишь в ту социальную среду, которая могла быть к ним восприимчива. Клерикальные круги, даже хорошо знакомые с европейской культурой и наукой, вроде тех же мхитаристов, не могли, конечно, явиться носителями этих передовых общественных воззрений. Идеи эти воспринимались и усваивались передовой частью армянской буржуазии и армянской буржуазной интеллигенции, заинтересованной в ликвидации феодальных отношений.

Передовые армянские буржуазные политические деятели и мыслители являлись одновременно выдающимися представителями и идеологами армянского освободительного движения, посвятившими свою жизнь борьбе за освобождение армянского народа от ига феодальных восточных деспотий. Армянское освободительное движение было порождением не теории, а практики; оно диктовалось самой жизнью и было обусловлено тяжелым положением армянского народа. Но европейская просветительская философия давала передовым армянским деятелям идейное оружие для обоснования необходимости и справедливости этой освободительной борьбы.

Одним из основных центров армянского освободительного движения 70–80-х годов XVIII столетия являлся г. Мадрас в Индии. Здесь вокруг богатого негоцианта Шаамира Шаамиряна группировались видные армянские буржуазные деятели и представители интеллигенции, в том числе Иосиф Эмин, получивший образование в Англии и посвятивший многие годы жизни борьбе за освобождение армянского народа, а также его долголетний соратник, выходец из России, Мовсес Баграмян. Кружок Шаамиряна вел активную пропаганду просветительных и освободительных идей. В основанной Шаамиряном в Мадрасе армянской типографии печатались произведения, пропагандировавшие передовые идеи европейского просветительства, патриотизм и свободолюбие.

В вышедшем в свет в 1773 г. произведении Баграмяна – “Новая книга, называемая увещанием”, в опубликованной в 1792 г. на английском языке автобиографии Эмина и в других своих работах члены мадрасского кружка резко критиковали деспотизм и противопоставляли ему идеал конституционного строя, основанного на представительных учреждениях. Баграмян считал одной из главных причин падения армянской государственности самодержавие армянских царей и князей, правивших подобно восточным деспотам. Деспотизм же, указывал он, является пагубной для государства и общества формой правления. Необходимо, чтобы нерушимая конституция и неизменные законы навеки поставили власть в зависимость от выборов советников и палат. Подобно тому, как свод, опирающийся на многочисленные колонны, не рушится, даже если рушится одна из них, так и государство прочно, если не зависит от прихоти одного лица. Эмин также считал, что политический строй, основанный на угнетении и насилии, является противоестественным и ведет к самым пагубным последствиям.

Члены мадрасского кружка занимались не только литературно-пропагандистской, но и активной политической деятельностью, направленной на освобождение армянского народа. Они поддерживали в этих целях связь с армянскими католикосами в Эчмиадзине, с армянскими меликами (полунезависимыми армянскими князьями в Закавказье), с грузинским царем Ираклием II, а также с Г. А. Потемкиным и другими русскими государственными деятелями, поскольку они сознавали, что в сложившихся исторических условиях реальной силой, способной освободить армянский народ от ирано-турецкого ига, была лишь “великая северная держава”. Мечтая о воссоздании армянского государства, члены мадрасского кружка разработали подробный проект конституции независимой Армении, изложенный в книге под названием “Западня честолюбия”.

Произведение это писалось долго. Начатое в 1773 г., оно было закончено лишь в начале 80-х годов и напечатано в 1788-1789 гг. Работа эта была продуктом коллективного творчества. В ней принимали участие как сам Шаамирян, так и Баграмян, а возможно и Эмин. Она являлась своего рода политической программой, разработанной всем кружком Шаамиряна.

“Западни честолубия” начинается с обзора армянской истории, причем сразу же делается вывод, что именно самодержавная власть царей причинила Армении “безграничный ущерб” и содействовала ее порабощению. Поэтому не следует допускать, чтобы впредь среди армян появились цари или другие лица, облеченные самодержавной властью. Сам народ должен быть собственным царем и управлять своей страной. Люди рождаются равными и должны оставаться свободными. Над ними не должен властвовать никто, кроме закона: в самой природе царит закономерный порядок. Такие же нерушимые, неизменные законы, соответствующие человеческой природе, должны царить и в обществе. Все должностные лица должны быть слугами страны, слугами народа. Закон должен обеспечивать всем личную и имущественную безопасность; каждый должен быть уверен, что он хозяин своего имущества и что никто не имеет право сорвать хотя бы волос с его головы иначе, как по приговору суда.

В книге приводятся исторические примеры, иллюстрирующие преимущество строя, основанного на законности, и пагубность деспотизма. В этой связи дается обзор римской истории, цель которого показать, в духе распространенных в XVIII в. представлений, как процветал Рим при республике и как погубила его впоследствии тирания. В качестве образца современного государства, где царит закон, приводится пример Англии, короли которой всегда руководствуются именем парламента. Авторы книги с величайшим сочувствием отзываются о борьбе американских колоний за независимость. Свобода – высшее благо. Желание американцев во главе с “мудрым Вашингтоном” освободиться от британского владычества вполне естественно, “так как для человека нет на земле ничего слаще свободы”.

Вторая часть “Западни честолубия” содержит проект законодательства независимого армянского государства, а именно свод законов, состоящий из 521-го параграфа.

Государственный строй, предусмотренный этим проектом, основывается на принципе, что вся власть исходит от народа и что должностные лица являются лишь народными уполномоченными. Каждый должен быть убежден, что власть правителей исходит от граждан, которые дали им власть не для того, чтобы они управляли народом по своему произволу, а для того, чтобы они осуществляли закон (§43).

От каждой области, насчитывающей до 12000 домов, выбирается по два уполномоченных, доверенных лица. Выборы эти производятся следующим образом. В каждом населенном пункте избирается один представитель. Из числа этих представителей, путем жребия, избираются двое, которые становятся доверенными лицами всего населения области. Срок их полномочий – три года. По истечении этого срока их полномочия, по воле народа, могут быть продлены на новый трехлетний период или же они могут быть отстранены и заменены другими (§§ 14, 15). Уполномоченные получают ежегодно определенное жалованье, дабы они были независимыми, не имели никаких

забот и думали лишь о благе страны и народа (§§ 14, 232). В случае смерти или проступка доверенного лица на его место, еще до окончания трехлетнего периода, избирается другой (§ 93).

Высшим законодательным органом страны является парламент, который именуется “армянской палатой” (*ամիսի Կայր*). Члены “армянской палаты” называются “танутерами”. Из двух уполномоченных каждой области один становится танутером, другой же должностным лицом. Таким образом, половина уполномоченных становится членами “армянской палаты”, половина же – должностными лицами (§§ 14, 19). Народ является, следовательно, источником как законодательной, так и исполнительной власти.

Из числа всех доверенных лиц избирается, путем жребия, первый танутер (§§ 35, 36), который, в свою очередь, избирает из числа уполномоченных второго, третьего и четвертого танутеров и приводит их к присяге (§§ 40, 41, 42, 44). Затем эти последние выбирают из двух уполномоченных каждой области по одному танутеру (§ 45). В состав парламента входит и епископ-представитель католикоса и армянской церкви, получающий два голоса (§§ 12, 13, 40). Срок полномочий всех танутеров – три года.

Так формируется армянский парламент, заседающий в особой палате в столице государства (§ 234). “Армянская палата” является высшей властью в стране, она истинный государь Армении (§ 235). Она обсуждает и издает законы. Обсуждение каждого закона происходит трижды, причем любой танутер может свободно высказывать свое мнение и говорить за или против законопроекта. Затем производится голосование и решение принимается простым большинством голосов (§ 17). “Армянская палата” выбирает также представителей исполнительной власти и должностных лиц (§ 18), которые обязаны приносить ему присягу – на верность (§ 98). Назначение на низшие должности производятся первыми тремя танутерами (выполняющими как бы роль президиума), высшие же должностные лица назначаются при участии всех танутеров (§§ 46, 47).

После сформирования “армянской палаты” танутеры, совместно с остальными уполномоченными, избирают из своей среды 13 человек, из которых путем жребия выбирается глава исполнительной власти – “нахарар”; остальные же становятся членами действующего при нем совета (§ 49). Нахарар избирается сроком на три года, члены совета – пожизненно (§§ 20, 21, 49).

Нахарар – первое должностное лицо и первый “слуга” государства. Он управляет страной “согласно армянским законам и согласно повелениям армянской палаты”. Он является верховным главнокомандующим и по полномочию “армянской палаты” объявляет войну и заключает мир. Он имеет право помилования, если только помилование того или иного преступника явно не противоречит воле палаты. Он не имеет права ни сам нарушать законы, ни допускать нарушения таковых. Все распоряжения нахарара утверждаются состоящим при нем советом (§ 92). На совет этот возлагается обязанность строго блюсти законы и согласовывать с ними каждый государственный акт

(§ 58). В случае смерти нахарара или отстранения его от должности из-за проступка, его место занимает первый по рангу член совета (§ 94).

Одновременно в проекте предусматривается и другой вариант, в случае, если какой-либо потомок царствовавших в Армении династий, в частности, династии Багратидов, изъявит желание стать армянским нахараром. Если таковой претендент выразит готовность ограничить свою власть указанными выше пределами и даст обязательство подчиняться издаваемым “армянской палатой” законам, то он может быть провозглашен пожизненным нахараром (§ 52). В таком случае нахарарское достоинство должно стать наследственным (§§ 53, 55), причем не только сам нахарар, но и члены его семьи должны получать от “армянской палаты” определенное годовое содержание (§ 57), а его сыновья, кроме того, будут иметь возможность занимать некоторые государственные должности (§ 56). Все это, однако, не расширяет полномочий - нахарара и не лишает палату права отстранять его от должности, в случае какого-либо проступка (§ 52). Кроме того предусматривается, что члены совета при таком наследственном нахараре должны быть не пожизненными, а избираться сроком на три года (§ 54).

Кроме нахарара и членов совета, парламент выбирает из состава уполномоченных и целый ряд других высших должностных лиц. Во главе отдельных отраслей управления стоят по три высших должностных лица, также избираемых палатой. Палата назначает из числа народных уполномоченных и местные власти (§§ 22, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 32, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 485, 486, 511, 518 и др.).

Все граждане Армении, независимо от национального происхождения и пола, являются свободными, никому не подвластными (§ 2). Они полные хозяева своего имущества и обязаны подчиняться лишь законам и выплачивать законные налоги (§ 10). Ни одно должностное лицо не имеет права силой врываться в чужой дом (§ 185). Каждый может подавать в суд жалобу на всех, вплоть до нахарара (§ 143). Каждый человек может свободно думать, говорить и действовать, подвергаясь наказанию, в случае плохого поведения, лишь по приговору суда (§§ 394, 500).

Целый ряд параграфов специально посвящен суду и судопроизводству. Аресты производятся по распоряжению судьи, причем, в случае незначительных проступков, обвиняемые могут оставаться до разбора дела на свободе, представив поручителей (§ 503). Вопрос о предании суду решается особой коллегией присяжных. На судебном процессе оглашается обвинительное заключение, производится допрос обвиняемого, заслушиваются показания свидетелей и выступления адвокатов. Приговор выносится другой коллегией присяжных (§§ 505, 506, 507). Судебные сессии происходят четыре раза в год (§ 509).

Таков, в основных чертах, проект конституции армянского государства, изложенный в “Западне честолюбия”.

Первая историко-теоретическая часть этого произведения написана под очевидным влиянием английской конституционной теории. Прямое или косвенное влияние учения Локка вряд ли подлежит сомнению. Стоит только сравнить параграфы 137, 138, 142, 175–196, 199–210 второго “Трактата о правительстве” Локка со вступительной статьей “Западни честолюбия”, чтобы сразу убедиться в этом. Осуждение “абсолютной произвольной власти” и тирании, требование управления согласно “установленным неизменным законам”, служащим “благу народа”, гарантия личной и имущественной неприкосновенности – все это руководящие идеи выдающегося теоретика английского конституционного строя. Учение Локка было особенно привлекательно для армянских просветителей-патриотов, так как оно одновременно обосновывало справедливость и законность национально-освободительного движения. В специальном разделе, озаглавленном “О завоевании”, Локк отрицал право завоевателя на власть над покоренными и обосновывал право потомков этих последних сбросить чужеземное иго. В этой связи он прямо ссылался на пример “греческих христиан”, имеющих право сбросить турецкое иго при первой же возможности. Идеи эти, вытекавшие из учения о законной власти и тирании, служили для передовых армянских буржуазных деятелей и просветителей XVIII столетия теоретическим обоснованием их освободительной программы.

Государственный строй Армении, описываемый во второй части “Западни честолюбия”, является буржуазной республикой. Правда, одновременно делается оговорка относительно возможности установления пожизненного и наследственного нахарарства, т. е. конституционной монархии. Однако и во втором случае функции и права нахарара ничем не отличаются от функций и прав выборного нахарара – президента республики и, следовательно, второй вариант не меняет сущность конституционного строя, описываемого в этом проекте.

Строй этот основан на принципе народного суверенитета и всевластия парламента. Он ликвидирует феодальные порядки, упраздняет сословные привилегии, крепостничество и другие формы феодальной зависимости и устанавливает буржуазные имущественные отношения. Он гарантирует всем гражданам личную и имущественную неприкосновенность, обеспечивает законность и правильное судопроизводство.

При анализе проекта конституции, изложенного в “Западне честолюбия”, бросается в глаза сходство многих предусмотренных там установлений с английским государственным строем и английской конституционной практикой XVIII столетия.

Совет при нахараре во многих отношениях выполняет функции английского кабинета, санкционируя действия нахарара, скрепляя подписанные им бумаги и отвечая перед парламентом за строгое соблюдение законов. Подобно английскому парламенту, “армянская палата” должна трижды обсуждать законопроекты перед тем, как их принять. Должность “начальника больших



та присяжных английские правоведы того времени, вроде Блекстона, считали основой английского государственного строя.

\* \* \*

Шаамирян и его единомышленники всячески пропагандировали разработанный ими проект конституции и стремились претворить его в жизнь. Еще в 1774 г. они отправили католикусу Симеону длинное послание, в котором излагали свой проект политического устройства армянского государства. Те же идеи Шаамирян излагал в письме к гандзасарскому католикусу Ованесу от 15 января 1779 г. Рукописные списки “Западни честолюбия” были разосланы, еще до опубликования этого произведения, ряду лиц, в том числе новому армянскому католикусу Гукасу, главе армянской церкви в России архиепископу Иосифу Аргутинскому, а также грузинскому царю Ираклию II. Вместе с рукописью “Западни честолюбия” Шаамирян отправил Ираклию 15 октября 1787 г. длинное послание, в котором подробно обосновывал преимущества конституционного строя. Он предлагал царю осуществить в Грузии проект образцового законодательства, представленный на его рассмотрение, так как только такие политические порядки, основанные на нерушимых законах, могут сделать государство счастливым и могущественным.

Одновременно, в 1786 г., Шаамирян представил русскому правительству проект армяно-русского договора о создании, под протекторатом России, армянского государства, управляемого “армянской палатой” и возглавляемого нахараром. Согласно этому проекту Российская империя признавала “армянскую палату”, т. е. армянский парламент – государем Армении. Проект армяно-русского договора предусматривал, таким образом, введение в действие конституции, разработанной мадрасским кружком.

Все эти усилия передовых армянских деятелей добиться реализации их политической программы не могли, разумеется, дать положительных результатов.

Царское правительство, действительно, проектировало в те годы, наряду с установлением протектората над Грузией (по Георгиевскому договору 1783 г.), создание на территории Закавказья подвластного России армянского государства. В этих целях Потемкин и другие царские сановники поддерживали связь и вели переговоры с влиятельными армянскими деятелями, в том числе с Шаамиряном и его единомышленниками. Все эти планы не были, однако, осуществлены в силу сложившейся международной обстановки и новой войны с Турцией в 1787 г., вынудившей царское правительство вывести, на время, свои войска из Грузии. Но, само собой понятно, что даже в случае осуществления намеченных царским правительством планов, полной утопией было рассчитывать на установление буржуазно-конституционного строя в подвластном царской России армянском государстве, где к тому же не было для этого и необходимых социально-экономических предпосылок.

Грузинский царь Ираклий II, заинтересованный в привлечении в Грузию капиталов армянских богачей, проживавших в Индии, со своей стороны поддерживал связь с Шаамиряном. Он отправлял к нему своих представителей, даровал ему княжеское достоинство и даже подарил населенную армянами область Лори. Но, конечно, о введении в его царстве конституционных порядков также не могло быть речи. Как и в других восточных странах того времени, в Грузии, где царил феодально-крепостнический строй, тоже не было для этого необходимых социально-экономических и политических условий.

Проект конституции, разработанный передовыми армянскими буржуазными деятелями, оставался, и не мог не оставаться, только проектом. Шаамирян и его единомышленники имели возможность осуществить свои политические идеи лишь в самых скромных, миниатюрных масштабах. Ими был составлен устав самоуправления армянской колонии в Мадрасе, основанный на тех же буржуазно-демократических принципах, предусматривавший всеобщее избирательное право, выборность должностных лиц, невмешательство духовенства в светские дела. Устав этот применялся на практике. Таким образом, конституционные идеи, изложенные в “Западне честолубия”, нашли свое практическое воплощение лишь в организации внутреннего самоуправления одной из армянских колоний.

Все это, однако, не умаляет исторического значения проекта конституции, разработанного в Мадрасе в 70–80-х гг. XVIII столетия, как первой, в условиях Востока, конкретной политической программы конституционно-парламентского строя. Проект этот, как и вся публицистическая и политическая деятельность кружка Шаамиряна – наглядное свидетельство проникновения идей парламентаризма на Восток еще в конце XVIII в.

## ОТКЛИКИ НА ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ В АРМЯНСКОЙ ПЕЧАТИ\*

Национально-освободительное движение армянского народа в XIX в. побуждало армянскую общественность уделять пристальное внимание, наряду с революционным движением в России, национально-освободительным и революционным движениям в Западной Европе. Отсюда совершенно исключительный интерес всех передовых армянских деятелей, публицистов, писателей к Италии и борьбе итальянского народа против иноземного господства. Гарибальди был подлинным кумиром армянских патриотов. Отсюда же большой интерес к революционным событиям во Франции, к французским революциям и демократическим традициям.

Уже февральская революция 1848 г. нашла значительный отклик и вызвала энтузиазм среди прогрессивных армянских деятелей. Примером тому может служить выдающийся публицист – демократ Стефан Воскан. Находясь в Париже с 1846 г., посещая Сорбонну и Колеж де Франс, слушая лекции Эдгара Кине, Мишле, Мицкевича, он накануне революции принял участие в петиционной кампании и в различных демонстрациях, печатал статьи в газетах « Le National » и « La Réforme ». В февральские дни 1848 г. он с оружием в руках боролся на баррикадах Парижа и одним из первых ворвался во дворец Тюильри. Несколько лет спустя он так характеризовал воздействие на него февральской революции: “Первый гром февральской свободы разорвал окутывавшую нас пелену восточного оцепенения, воспламенил наше сердце подобно вулкану, вселил в нас безграничную энергию и произвольно бросил нас на арену борьбы”. Арестованный за участие в республиканской демонстрации 13 июня 1849 г., высланный из Франции в 1852 г., он три года спустя вновь возвращается в Париж, где издает две газеты на армянском языке – “Аревелк” и “Аревмутк” (в тексте – “Восток” и “Запад”. – В. П.), в которых пропагандирует республиканские и демократические идеалы Французской революции, увязывая их с задачами национально-освободительной борьбы армянского народа.

---

\* Доклад, прочитанный А. Р. Иоаннисяном на коллоквиуме, посвященном 100-летию Парижской Коммуны 22 мая 1971 г. В Париже (см. об этом: И. М. Табагуа. Два коллоквиума – в Париже и Тулузе, - Новая и новейшая история, 1971, № 6, с. 211). Публикуется по сохранившемуся в архиве А. Р. Иоаннисяна машинописному оригиналу, за его подписью и с его поправками (Национальный архив Армении, ф. 1169, оп. 1, д. 82, лл. 4-10).

Стефан Воскан не был одинок. В 50–60-х годах XIX столетия в армянской действительности, наряду с консервативно-клерикальным и либеральным направлениями, возникает и новое революционно-демократическое течение. Одним из его основоположников был Микаэл Налбандян, соратник Герцена и Огарева, активный участник русского революционного движения 60-х годов, заключенный царским правительством в Петропавловскую крепость. Выразителями демократических идей были и многие деятели среди западных армян. Таков был в первый период своей деятельности Стефан Воскан, таковыми были публицисты и писатели Арутюн Свачян, Григор Чилинкирян и др. Среди революционных демократов получали все большее распространение идеи утопического социализма. Мы находим их в произведениях Налбандяна. Чилинкирян, с негодованием осуждавший социальную несправедливость, переведший с этой целью на армянский язык “Отверженные” Виктора Гюго, заявлял, в ответ на выдвигавшиеся против него обвинения, что он является социалистом, что он воспринимает это не как порицание, а как похвалу. Постепенно в армянскую среду проникают сведения и о деятельности Первого Интернационала. В армянской печати появляются статьи, излагающие историю возникновения Интернационала, его программу и деятельность, почти дословно пересказывающие текст Учредительного манифеста, воспроизводящие главные положения его устава, указывающие, что основной задачей Интернационала является “освобождение трудящихся от власти капитала”.

События, разразившиеся во Франции в 1871 г., не могли, поэтому, не вызвать откликов в армянской среде. Разумеется, отклики эти были различные. Если предыдущие революционные движения во Франции, органиченные рамками буржуазной демократии, встречали сочувствие самых широких кругов армянского общества, то Парижская Коммуна, связанная с новыми социальными идеями, вызвала размежевание общественных сил.

Различная оценка Парижской Коммуны нашла свое отражение и в армянской печати того времени, несмотря на наличие как в России, так и в Турции самой суровой цензуры, которая не давала возможности армянским газетам и журналам свободно и откровенно, без оговоров, излагать свои политические мнения и убеждения.

На страницах издававшейся в Константинополе газеты “Масис” мы находим в течение марта, апреля, мая 1871 г. очень обширную и разностороннюю информацию о Парижской Коммуне. Кроме многочисленных телеграмм, освещавших подробно, день за днем, события в Париже и ход военных операций, газета публиковала специальные корреспонденции и различные другие материалы. В первое время газета пыталась создать впечатление о своей полной объективности, печатая не только речи Тьера, дебаты в Национальном собрании и официальную правительственную информацию, но и декреты Коммуны, ее обращения и декларации. Газета пыталась даже представить парижское восстание как результат своего рода недоразумения, возникшего между двумя группами искренних

республиканцев – “красных республиканцев” Парижа и умеренных республиканцев, возглавляемых Тьером, которым следовало бы объединиться против роялистской и бонапартистской опасности. Но по мере развития событий, тон газеты в отношении парижских коммунаров становится все более враждебным. Все чаще публикуются сообщения о производимых Коммуной “грабежах” и “насилиях”, приводятся “слухи” о том, что парижское восстание организовано бонапартистами; в обширной корреспонденции из Парижа столица Франции под властью Коммуны изображается как пустынный и вымерший город, с грязными улицами и закрытыми магазинами, где царит могильная тишина и всеобщее отчаяние. В майские же дни газета пишет уже о коммунарах с нескрываемой ненавистью, голословно заявляя, кстати, что большинство из них даже не французы, а иноземные авантюристы, нахлынувшие со всех сторон в Париж. Обвиняя коммунаров в поджоге Парижа, газета заявляет, что по сравнению с их варварством, варварские деяния Тамерлана являются пустяжными.

Несколько иную позицию заняла издававшаяся в Тифлисе газета “Мегу Айастани”, также подробно информировавшая своих читателей о парижских событиях. В номере от 12 июня 1871 г. была опубликована анонимная “Корреспонденция из Парижа” в которой как бы подводился итог этих событий. Автор корреспонденции оправдывает парижскую революцию, возлагая вину за все происшедшее на “правительство национальной обороны”, которое сознательно не захотело использовать энтузиазм масс, готовых оборонять Париж до последней возможности и пошло на сговор с неприятелем, а также на правительство Тьера, которое не захотело наказать виновных и отказалось предоставить народу широкие политические права. Осуждая расстрел заложников и поджоги, совершенные в дни Коммуны, автор корреспонденции всячески стремится подчеркнуть, что вина за это ложится на отдельных безответственных лиц, а не на Коммуну в целом и не на парижских “трудящихся”. “Нет сомнения,– пишет он,– что в парижском движении участвовали и многие злоумышленники, как из числа французов, так и иностранцев, не имевшие ничего общего с широкими кругами населения и с Коммуной и даже враждебные им. Но было бы крайне несправедливым ставить в один ряд с ними ту массу революционеров, об убийстве которых без суда каждый день сообщают версальские газеты”. И автор корреспонденции решительно выступает в защиту “честных коммунаров”.

Еще более интересную оценку Парижской Коммуны мы находим на страницах журнала “Аревелян мамул”, издававшегося в Смирне прогрессивным демократическим деятелем Мамуряном. В апрельском, майском и июньском номерах этого журнала за 1871 г. мы находим подробную информацию о парижских событиях. Вину за парижское восстание журнал возлагает на роялистски настроенное Национальное собрание, которое своей реакционной политикой разожгло пламя, тлевшее среди “низших слоев народа”. Гюго говорил, что Париж – это голова Франции, ее сердце. И вот теперь хотят отрезать эту голову, хотя бы и заблудшую, но борющуюся за принципы, вырвать это сердце, преисполненное

высоких чувств, а Франция остается безразличной, та Франция, которая во время последней войны спасла свою честь лишь благодаря Парижу. В обзоре, помещенном в майском номере журнала подробно анализируется термин “коммуна”. Автор обзора задает вопрос – почему Тьер отказался признать Парижскую Коммуну и примириться с ее существованием, хотя принцип городского самоуправления был провозглашен самим Национальным собранием? Отвечая на этот вопрос, журнал указывает, что суть заключается в том, что Парижская Коммуна добивалась не просто широкого самоуправления, а неизбежно должна была выдвинуть и “социалистические задачи”, попытаться как и в 1848 г. организовать национальные мастерские, поставить под сомнение право собственности, “одним словом попытаться изменить общественный строй Франции”. Такой человек как Тьер не мог, естественно, “предоставить Парижу те коммунальные свободы, которые, по его убеждению привели бы к настоящему коммунизму”. Так, журнал “Аревелян мамул” точно и правильно вскрывает истинную сущность Парижской Коммуны и подлинную причину разразившейся во Франции гражданской войны. В июньском номере, описывая падение Коммуны, журнал, осуждая коммунаров за поджог Парижа, одновременно резко клеймит преступления правительственных войск, а также массовые репрессии против коммунаров и совершенно невинных людей. “Господин Тьер взял Париж, но как: одну часть превращенную в развалины, другую – преисполненную ненависти и жадной будущей мщенья, третью – проникнутую тем безразличным скептицизмом, который побуждает покорно склонять голову перед любым насилием”.

В 1872 г. в Тифлисе начала выходить газета “Мшак”, ставшая основным органом армянского либерализма. Откликаясь на недавние события, газета в целом заняла отрицательную позицию в отношении Парижской Коммуны, одобряя расправу с коммунарами, выступая против их амнистии. Редактор газеты Григор Арцруни, в статье, посвященной Тьеру, восхваляя его как “выдающегося ученого, писателя, историка и государственного деятеля”, прославлял его за то, что, благодаря ему, во Франции был восстановлен мир, “нарушенный ужасающим коммунистическим движением”. Но на страницах газеты звучали и иные голоса передовых армянских деятелей. В этой связи особый интерес представляет опубликованная несколько позже, в 1879 г., статья великого армянского писателя, виднейшего представителя национально-освободительного движения Раффи, исторические романы которого вдохновляли целые поколения армянской молодежи на освободительную борьбу. В статье “Армянская молодежь” Раффи, характеризуя революционную активность французских студентов, писал: “Когда возникает народное движение, когда вспыхивает политическая революция, студенты приходят в движение, просыпаются как спящие львы, первыми оглашают улицы пением Марсельезы, разбивают памятники деспотизма и мчатся на баррикады. Кто мало мальски знаком с историей Франции, знает, какую большую роль сыграли студенты в 1830 г. и в 1840-х годах и особенно во время Комму-

ны". И Раффи призывал армянскую молодежь брать пример с французских студентов.

Мы ограничиваемся лишь этими отдельными примерами непосредственных откликов на Парижскую Коммуну в армянской печати того времени. В заключение я хотел бы лишь отметить, что в дальнейшем, по мере развития революционного движения и распространения марксизма в Армении, ссылки в армянской печати и публицистике на Парижскую Коммуну и ее исторический опыт становятся все более многочисленными.